

Несмелов Виктор Иванович

**Вера и знание с точки зрения
гносеологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Иванович Н.**
Вера и знание с точки зрения гносеологии / Несмелов Виктор Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 95 с.

ISBN 978-5-519-99311-1

ISBN 978-5-519-99311-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

безъ начала и безъ конца. Не зная же положительно о томъ, что было написано на первыхъ страницахъ міровой книги, и не зная положительно о томъ, что будетъ написано на послѣднихъ страницахъ этой великой книги, т. е., стало быть—разсматривая міровое бытіе исключительно лишь съ точки зрѣнія его эмпирическаго состава и эмпирическихъ связей, положительный ученый, очевидно, и изучать въ міровомъ бытіи можетъ одни только эмпирическіе процессы возникновенія и уничтоженія преходящихъ вещей и явленій міра изъ совокупности дѣйствующихъ въ мірѣ причинъ. А при такихъ условіяхъ ставить вопросъ о смыслѣ мірового существованія онъ, несомнѣнно, *не долженъ*, потому что рѣшать этотъ вопросъ на почвѣ такихъ положительныхъ данныхъ онъ, несомнѣнно, *не можетъ*. Но и каждый человѣкъ вообще, а положительный ученый даже по преимуществу, въ дѣйствительности не только ставитъ, но и не можетъ не ставить себѣ этого, неразрѣшимаго наукой, капитальнаго вопроса, потому что необходимая постановка его не только психологически опредѣляется глубочайшими интересами человѣческой жизни, но и фактически обосновывается для человѣческаго мышленія эмпирическимъ составомъ самой міровой дѣйствительности, именно: фактомъ существованія въ мірѣ собственнаго человѣческаго разума и фактомъ существованія въ мірѣ той полосы реальной дѣйствительности, которая развивается творческой дѣятельностію собственной мысли и воли людей и которая, поэтому, вся сплошь представляетъ изъ себя планомѣрно организованную систему цѣлей и средствъ.

Эти реальные факты, какъ факты непосредственно самимъ человѣкомъ создаваемые и переживаемые, непосредственно же создаютъ въ каждомъ человѣкѣ субъективную увѣренность, что міровое бытіе опирается на какое-то разумное основаніе и преслѣдуетъ какія-то разумныя цѣли. Но такъ какъ эта субъективная увѣренность для научно-критическаго мышленія совсѣмъ не имѣетъ никакого доказательнаго значенія, то въ области научнаго мышленія эти реальные факты создаютъ собственно не

эмпирическое познание реального бытия, а только реальное основание и логическое право для теоретической постановки вѣчныхъ философскихъ вопросовъ о бытіи: можетъ ли быть неразумнымъ, бессмысленнымъ тотъ самый міровой процессъ, въ механизмъ котораго какимъ-то образомъ втиснуть и собственный разумъ самого человѣка? можетъ ли быть слѣпой и безцѣльной та самая реальная дѣйствительность, самая значительная по богатству и качеству своего содержанія часть которой создается творческой самодѣятельностію человѣческой мысли и воли?

Эти вопросы, конечно, не научные вопросы, потому что къ ихъ изслѣдованію не можетъ быть приложенъ опытный методъ положительной науки, и значитъ—положительной наукой они дѣйствительно ставиться не могутъ. Но эти вопросы всетаки вполне реальные вопросы теоретическаго мышленія, потому что необходимая постановка ихъ опредѣляется не одними только духовными интересами человѣческой жизни, но и теоретическими интересами реального познанія о міровой дѣйствительности въ полномъ объемѣ всего ея опытно-даннаго содержанія. Въ силу же этого, оставаемые наукой, но научно вовсе неустранимые, эти вопросы неизбежно создаютъ рядомъ съ опытной наукой другую, умозрительную науку, которая изслѣдуетъ тотъ же самый міръ, какимъ занимается и положительная наука, но по характеру своихъ вопросовъ—задачъ изслѣдуетъ его уже не съ точки зрѣнія дѣйствующихъ, а лишь съ точки зрѣнія конечныхъ причинъ. Эта умозрительная наука—философія ¹⁾.

Разсматривая міровое бытіе, какъ механическую систему причинъ и слѣдствій, философія разсматриваетъ, однако, эту механическую систему, какъ систему планомѣрную, и потому она естественно пытается проникнуть

¹⁾ Сущность философской задачи теоретическаго мышленія вполне вѣрно и точно выражается сужденіемъ Паульсена, *цитое. сочин.* стр. 326: „всякая философія въ концѣ концовъ сводится къ тому, чтобы внести смыслъ въ вещи, или скорѣе показать смыслъ, существующій въ вещахъ“.

за эмпирическія границы положительной науки и прочитать, закрытыя для опытного познанія, первыя и послѣднія страницы книги бытія. Но такъ какъ всѣ реальныя элементы мірового цѣлаго и всѣ реальныя связи этихъ элементовъ въ міровомъ цѣломъ для научной философіи всецѣло опредѣляются положительной наукой, то философія въ сущности можетъ дополнять и въ дѣйствительности дополняетъ положительную науку не какими нибудь фактическими познаніями невѣдомыхъ границъ мірового бытія, а исключительно только своими раціональными соображеніями относительно конечнаго смысла и значенія міровыхъ процессовъ по идеальной схемѣ, предполагаемаго ею, планомѣрнаго устройства міра ¹⁾. Положительная наука, напр., знаетъ міровое бытіе, какъ связную совокупность весьма различныхъ процессовъ—физико-химическихъ, органическихъ, психическихъ и моральныхъ. Научная философія пытается опредѣлить объективный смыслъ этихъ реальныхъ процессовъ и, съ точки зрѣнія идеи ихъ смысла, располагаетъ ихъ въ нѣкоторую осмысленную систему цѣлесообразныхъ отношеній. Съ философской точки зрѣнія напр. будетъ совершенно правильно думать, что хотя физико-химическіе процессы сами по себѣ и безсмысленны, однако существованіе ихъ вѣстакимѣетъ смыслъ, потому что они фактически представляютъ собою не механическія причины, а условія и средства для развитія біологическихъ процессовъ; и что хотя біологическіе процессы сами по

¹⁾ Взаимное отношеніе положительной науки и научной философіи можно вполне правильно охарактеризовать словами проф. Külpe, *Einleitung in die Philosophie*, 2-te Aufl., Lpz. 1898, s. 57—58: „философія природы начинаетъ свои изслѣдованія тамъ, гдѣ ихъ прекращаютъ спеціальныя дисциплины естествовѣдѣнія, и потому, согласно общему закону метафизики, она стремится расширить познаніе природы и придать этому познанію законченную форму вѣроятнаго цѣлостнаго построенія. При этой работѣ исходными пунктами для нея служатъ гипотезы и теоріи естествознанія о конечныхъ предметахъ научнаго мышленія, — о возникновеніи и составѣ всѣхъ вообще естественныхъ явленій, въ особенности же явленій неорганической и органической природы, и о томъ, куда же именно ведетъ процессъ развитія всѣхъ этихъ явленій“.

себѣ также безсмысленны, однако существованіе ихъ все-таки имѣетъ смыслъ, потому что и они въ свою очередь опять таки являются не механическими причинами, а условіями и средствами для развитія психическихъ процессовъ; психическіе же процессы, какъ озаренные свѣтомъ сознанія и въ большей части своей слагающіеся изъ творческихъ актовъ мысли и воли, и сами по себѣ разумны и кромѣ того еще имѣютъ особый разумный смыслъ, потому что они представляютъ собою условія и средства для свободно-творческаго развитія въ мірѣ богатой духовной культуры и высокихъ моральныхъ цѣнностей. Слѣдовательно, міровая дѣйствительность развивается планомѣрно.

Однако, философское утвержденіе этой планомѣрности само по себѣ еще нисколько не рѣшаетъ принципиальнаго вопроса о разумномъ существованіи мірового бытія, потому что изъ факта планомѣрности, самого по себѣ, нисколько еще не видно, откуда же именно эта планомѣрность возникаетъ въ мірѣ? т. е. что же именно опредѣляетъ собою все міровое бытіе, какъ органическую систему цѣлесообразныхъ средствъ для достиженія духовно-моральныхъ цѣнностей? и къ чему же именно въ концѣ концовъ направляется весь сложный процессъ мірового бытія, въ силу такого опредѣленія конечной цѣли его?

Вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы научная философія въ дѣйствительности не дастъ и никогда не можетъ дать. Хотя философскій анализъ эмпирической дѣйствительности логически совершенно правильно можетъ приводить насъ къ пониманію условнаго міра дѣйствительности, какъ реального откровенія единаго безусловнаго бытія, но это философское пониманіе міра на самомъ дѣлѣ находится въ полномъ и рѣшительномъ противорѣчій съ разнороднымъ составомъ мірового бытія. Если бы можно было не логически, а фактически преодолѣть это рѣшительное противорѣчіе, если бы именно можно было взаимно свести другъ на друга духовные и матеріальные процессы бытія, то научная философія, конечно, могла бы всеисчерпывающимъ образомъ объяснить намъ міръ и въ подлинной природѣ его, и въ планомѣрномъ

строеніи его, и въ дѣйствительномъ значеніи каждаго момента его эмпирическаго существованія, какъ законѣрнаго обнаруженія его дѣятельной природы. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ одинаково невозможно ни разложить матерію на процессы духа, ни отождествить духовныя дѣятельности съ матеріальными процессами, то для научной философіи на самомъ дѣлѣ ничего другого не остается, какъ только вырабатывать болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы о невѣдомой конечной основѣ мірового бытія, а вслѣдствіе этого гипотетически же рѣшать вопросъ и о невѣдомой конечной цѣли мірового существованія ¹⁾).

Поэтому, въ предѣлахъ положительной науки и научной философіи человѣкъ въ сущности навсегда обреченъ оставаться безъ законченнаго воззрѣнія на міръ и безъ цѣльнаго разумѣнія міра. И онъ никогда бы, конечно, не имѣлъ такого воззрѣнія и такого разумѣнія, если бы все его интеллектуальное отношеніе къ міру исключительно ограничивалось бы только формами разсудочно-эмпирическаго познанія о мірѣ. Но такого ограниченія для него въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. Человѣческій интеллектъ, напротивъ, такъ организованъ, что по самой природѣ своей онъ непосредственно умѣстъ и можетъ разсматривать міръ съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія—съ точки зрѣнія времени и съ точки зрѣнія вѣчности. Съ первой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ міръ въ чувственно-наглядномъ представленіи его эмпирическаго содержанія, и потому съ этой точки зрѣнія онъ можетъ видѣть въ мірѣ лишь безконечное многообразіе сосуществующихъ и смѣняющихся другъ друга вещей и событій. Со второй же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ тотъ же самый міръ вещей и событій въ религіозномъ созерцаніи его безусловной основы, и потому съ этой точки зрѣнія міръ представляется ему уже не только механическимъ сцѣпленіемъ преходящихъ вещей и событій, но и реальнымъ осуществленіемъ во времени вѣчныхъ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ нашемъ изслѣдованіи *Наука о человѣкѣ* т. II, 2, 2—4.

идей и хотѣній Бога. Это непосредственное интеллектуальное созерцаніе религіозной тайны міра, достигавшее въ нѣкоторыхъ исключительныхъ натурахъ наивысшей степени ясности, формулировалось этими великими прозорливцами въ догмахъ религіознаго откровенія; и всѣ обыкновенные люди, недостаточно способные къ тому, чтобы уловить и перевести въ ясныя идеи ума всѣ свои непосредственныя интуиціи сокровенной глубины бытія, всегда мистически жили тайной религіозныхъ догмъ откровенія и всегда стремились создать себѣ истинное понятіе о мірѣ путемъ раціональнаго постиженія реальной истины этихъ самыхъ таинственныхъ догмъ.

Эти религіозныя постиженія бытія, опираясь на всѣ живые элементы религіознаго міросозерцанія, какъ на свои положительныя данныя, разумѣется, не могутъ знать ни тѣхъ границъ, въ которыхъ необходимо вращаются положительная наука и научная философія, ни тѣхъ неудачъ, которыя необходимо выпадаютъ на долю науки и научной философіи: потому что изъ непосредственныхъ данныхъ религіознаго міросозерцанія въ дѣйствительности вполнѣ извѣстны и объективно-реальное существованіе Бога, и Его реальное отношеніе къ міру. И такъ какъ эти свѣдѣнія въ дѣйствительности не измышляются человѣкомъ ради желаннаго рѣшенія безотвѣтныхъ вопросовъ науки, а и въ самомъ дѣлѣ непосредственно даются ему въ источныхъ началахъ религіознаго міросозерцанія, то вполнѣ понятно и совершенно естественно, что онъ считаетъ эти свѣдѣнія не только совершенно разумными рѣшеніями безотвѣтныхъ вопросовъ науки, но и совершенно правильными рѣшеніями этихъ безотвѣтныхъ вопросовъ. Въ силу же этой оцѣнки познавательнаго значенія религіозныхъ вѣрованій, не смотря на все ихъ коренное отличіе отъ научныхъ познаній, они легко объединяются съ этими познаніями и легко же организуются съ ними въ связанное единство цѣльнаго міровоззрѣнія.

Живое человѣческое воззрѣніе на міръ такъ именно и строится, и такъ оно только и можетъ строиться. Въ дѣйствительности нѣтъ и не можетъ быть ни чисто науч-

наго, ни научно-философскаго міровоззрѣнія, а есть и вѣчно будетъ только религіозное созерцаніе и религіозно-философское пониманіе міра. Вѣдь на самомъ дѣлѣ если бы даже и наступило такое время, когда въ данныхъ науки и научной философіи наконецъ оказались бы налицо всѣ тѣ элементы, которые необходимы для построенія цѣльной, законченной картины мірового бытія, то для человѣческаго сознанія и мышленія всетаки и тогда необходимо осталась бы неизмѣнной паличная антитеза временнаго и вѣчнаго, условнаго и безусловнаго, а вмѣстѣ съ этой антитезой, стало быть, и тогда необходимо сохранилась бы для человѣка и непостижимая тайна Вѣчнаго Начала вещей, и религіозное отношеніе къ этому самосущему Началу вещей, какъ живому Отцу міровъ и свѣтовъ, отъ Котораго происходитъ всякое бытіе, и Которымъ сообщается всему существующему и жизнь, и дыханіе, и все. Слѣдовательно, даже и при будущемъ идеальномъ преобразованіи человѣческой мысли и жизни, въ предѣлахъ другого міра и при другихъ условіяхъ существованія, въ дѣйствительности можетъ измѣниться не составъ и не характеръ человѣческаго міровоззрѣнія, а исключительно только методъ его построенія: тогда именно, вмѣсто религіознаго созерцанія міра во свѣтѣ своихъ ограниченныхъ понятій о Богѣ, вся энергія человѣческой мысли, наоборотъ, всецѣло будетъ направлена къ религіозному созерцанію вѣчной тайны Бога во свѣтѣ достовѣрныхъ научно-философскихъ познаній о подлинной сущности міра.

II. Конфликты вѣры и знанія при выработкѣ научнаго міропониманія.

Религіозная вѣра и научное знаніе опираются на разныя данныя мышленія и разсматриваютъ міровое бытіе съ различныхъ точекъ зрѣнія; а потому, не переступая своихъ природныхъ границъ, они никогда и ни въ чемъ не могутъ взаимно противорѣчить другъ другу. Вѣдь каковы бы ни были наличные законы мірового существованія, самое точное научное познаніе объ этихъ законахъ ни въ малѣйшей степени не устраняетъ и не можетъ устранять собою мистическихъ откровеній религіознаго созерцанія о довременномъ началѣ и о конечной судьбѣ мірового бытія. И наоборотъ, каковы бы ни были начало и конецъ мірового существованія, самое глубокое религіозно-мистическое постиженіе этого начала и конца все-таки ни въ малѣйшей степени не устраняетъ и не можетъ устранять собою положительныхъ научныхъ познаній о фактическомъ составѣ и о законахъ строенія эмпирически даннаго міра. И тѣмъ не менѣе, наука и религія въ дѣйствительности лишь очень рѣдко находились между собою въ добромъ согласіи, потому что онѣ лишь очень рѣдко не пытались одновременно овладѣть обѣими точками зрѣнія на міръ и вслѣдствіе этого онѣ лишь очень рѣдко не покушались взаимно замѣнить одна другую. Обслѣдовать мотивы этихъ враждебныхъ покушеній и выяснить ихъ полную логическую несообразность какъ съ принципами

религии, такъ и съ принципами науки, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы можно было остановить эти покушенія, но это обстоятельство существенно необходимо для того, чтобы можно было, по крайней мѣрѣ, критически разбираться въ этихъ покушеніяхъ и правильно судить о создаваемыхъ ими конфликтахъ вѣры и знанія, науки и религии.

Конфликты вѣры и знанія одинаково могутъ создаваться, и исторически они дѣйствительно одинаково создавались какъ вторженіемъ религіознаго мышленія въ эмпирическую область научныхъ изслѣдованій, такъ и вторженіемъ научнаго мышленія въ трансцендентную область религіозно-мистическихъ созерцаній. Эти взаимныя вторженія науки и религии въ совершенно чуждыя и на самомъ дѣлѣ въ совершенно недоступныя для нихъ области возможны, конечно, при всякой системѣ религіознаго міровоззрѣнія и на всякой ступени научно-философскаго развитія; но фактически въ самой рѣзкой и болѣзненно-острой формѣ они, къ несчастію, проявились только въ исторіи христіанскаго просвѣщенія, особенно съ конца періода, такъ называемыхъ, среднихъ вѣковъ. Въ это злополучное время западная церковная власть сдѣлала весьма неудачную и въ сущности совершенно напрасную попытку связать научную христіанскую мысль въ ея толкованіяхъ міровой дѣйствительности буквой библейскаго текста; такъ что, при всякомъ разногласіи научныхъ познаній съ этою буквой, она такъ же рѣшительно, какъ и необдуманно, стала трактовать и осуждать научныя познанія, какъ вольныя или невольныя заблужденія человѣческаго разума. А такъ какъ эти мнимыя заблужденія на самомъ дѣлѣ все-таки постоянно и неизмѣнно возникали въ научномъ умѣ при каждой попыткѣ его самостоятельно изслѣдовать природу, то для христіанскаго ученаго естествовѣда внѣшнимъ образомъ было создано психологически и логически совершенно невозможное положеніе: онъ вынужденъ былъ признавать для себя двѣ разныхъ истины, божескую и человѣческую, которыя въ одно и тоже время, объ одномъ и томъ же предметѣ и въ одномъ и томъ же отношеніи

будто бы могли сообщать человѣку совершенно противорѣчивыя познанія.

Такъ, напримѣръ, Галилей, въ качествѣ религіозно-мыслящаго человѣка, естественно разсматривалъ міръ, какъ Божіе твореніе, и, въ качествѣ вѣрующаго христіанина, естественно разсматривалъ землю, какъ центральный пунктъ міровой исторіи. Такой взглядъ на землю и на міръ, разумѣется, никогда и ни въ какомъ отношеніи не можетъ оказаться въ противорѣчіи съ какимъ нибудь научно-эмпирическимъ познаніемъ о мірѣ и землѣ, потому что этимъ взглядомъ утверждается лишь особая точка зрѣнія на землю и на міръ, а не какое нибудь особое познаніе о наличномъ положеніи міра и земли. Но тотъ же самый Галилей, въ качествѣ члена католической церкви, долженъ былъ и въ космографическомъ отношеніи разсматривать землю, какъ физическій центръ мірозданія, потому что въ священномъ писаніи самымъ точнымъ образомъ отмѣчается случай, когда солнцу приказано было остановиться надъ Гаваономъ. И наконецъ, тотъ же самый Галилей, въ качествѣ ученаго естествовѣда, долженъ былъ утверждать, что земля является лишь однимъ изъ спутниковъ солнца, такъ что солнце вовсе не обходитъ землю и, стало быть, никакой остановки его надъ какимъ-нибудь клочкомъ земли, даже и въ качествѣ сверхъестественнаго событія, въ дѣйствительности не могло быть.

Само собою разумѣется, что признавать мнимо-библейское и научно-астрономическое представленія о взаимныхъ отношеніяхъ солнца и земли въ равной мѣрѣ истинными можно было только на словахъ, на дѣлѣ же въ этомъ случаѣ неизбежно должна была утверждаться одна лишь положительная истина астрономической науки. Между тѣмъ религіозная совѣсть величайшаго христіанскаго ученаго въ отношеніи этихъ противорѣчивыхъ представленій съ непростительной опрометчивостію была подвергнута мучительному искушенію выбора между наукой и откровеніемъ. Съ одной стороны предъ нимъ стоялъ высочайшій авторитетъ божественнаго откровенія, потому что высшее церковное судилище католическаго міра сѣумѣло